

Оглавление

Глава 1. О равенстве и справедливости (Жан-Жак Руссо) . . .	5
Глава 2. Простое богатство для всех (Адам Смит)	20
Глава 3. Сияние чистого разума (Иммануил Кант)	37
Глава 4. Разрушить и создать Европу (Наполеон Бонапарт)	54
Глава 5. Всемирный дух и законы всего (Георг Гегель). . .	71
Глава 6. Исследование природы человека (Артур Шопенгауэр)	87
Глава 7. Материализм и революция (Карл Маркс)	103
Глава 8. Эволюция и новая этика (Герберт Спенсер) . . .	122
Глава 9. Человек как мера всего (Федор Достоевский) . .	139
Глава 10. Как стать триллионером (Джон Рокфеллер). . .	154
Глава 11. О свободе и человеке будущего (Фридрих Ницше)	173
Глава 12. Источник вселенских идей (Никола Тесла) . . .	191
Глава 13. О бессознательном и желаниях (Зигмунд Фрейд)	211
Глава 14. Непрерывная оптимизация (Генри Форд). . . .	231
Глава 15. Растворение зла (Махатма Ганди)	249
Глава 16. Научная логика и религия (Бертран Рассел) . .	268
Глава 17. Открыть Вселенную заново (Альберт Эйнштейн)	286

Глава 18. Природа — это случайность (Нильс Бор)	305
Глава 19. Сложности языка, логики и загадка Бытия (Людвиг Витгенштейн и Мартин Хайдеггер) . .	325
Глава 20. Государство против человека (Джордж Оруэлл)	346
Глава 21. Жизнь как свободный проект (Жан-Поль Сартр)	362
Глава 22. Что такое наука и существует ли предел знаний (Курт Гёдель и Томас Кун)	379
Глава 23. Бесконечное обновление (Эрнесто Че Гевара)	400
Глава 24. Самовыражение как смысл жизни (Пабло Пикассо и Джон Леннон)	416
Глава 25. Станет ли будущее реальным? (Жан Бодрийяр и Стив Джобс)	437

Глава 1

О РАВЕНСТВЕ И СПРАВЕДЛИВОСТИ (Жан-Жак Руссо)

Место: Женева, Швейцарская республика

Время: 1762 год

Если вам посчастливилось хотя бы несколько дней провести в Швейцарии, вам хорошо знакомо то необыкновенное, почти магическое успокаивающее действие, которое оказывают на человека пейзажи и даже сама атмосфера этой особенной страны. Изумрудные склоны гор; прозрачные бирюзовые озера; невероятно чистый воздух; уютные, словно игрушечные горные долины. И, конечно, сами жители этих мест: неторопливые, улыбчивые, невозмутимые и очень зажиточные.

Перед тем как приступить к своей миссии, я не смог отказать себе в удовольствии теплым ясным летним утром прогуляться вдоль берега Женевского озера, расположенного на юго-западе страны. В те времена виды озера уже не сильно отличались от современных: не хватало, пожалуй, лишь знаменитого высокого фонтана напротив городской набережной; да мосты через озеро в его узкой части, соединявшие две части Женевы, тогда еще были деревянными. На улочках города повсюду слышался французский язык: Женева в силу своего расположения традиционно тяготела к культуре Франции, хотя одновременно и гордилась своей политической независимостью от нее.

В 1700-х годах образ жизни людей в развитых странах Европы приблизился к современному ощущаемее, чем за всю

предыдущую тысячу лет. Благодаря изобретению парового двигателя (энергия сжигаемого топлива пришла на смену простой мускульной силе) производительность труда на фабриках Англии, а затем и других развитых стран за относительно короткий срок выросла более чем в десять раз. Вакцинация и базовые представления о бытовой гигиене положили конец нашествиям оспы и чумы, в прошлом регулярно опустошавшим города и целые страны. Крупные страны Европы преимущественно оставались монархиями, но их стиль к концу XVIII века заметно изменился. На смену абсолютизму и жестокой тирании пришла мода на «просвещенных монархов». Новые властители стран Европы были хорошо образованы, общались лично с лучшими учеными и писателями своей эпохи, поддерживали деятелей культуры и даже иногда играли в видимость демократии и заботу о простых людях. На словах приветствовали освобождение подданных от гнета и несправедливостей, высказывались за всеобщее образование. Но на деле серьезных, глубинных социальных изменений не было. Скорее наоборот — жизнь многих простолюдинов и бедняков стала даже еще более тяжелой, чем раньше.

Во главе государств находился монарх, воля которого по-прежнему стояла над любыми законами. За ним на социальной лестнице располагался тонкий слой приближенной к престолу потомственной аристократии, имевшей все, о чем человек тогда мог мечтать, лишь по праву своего рождения. Рос и креп с каждым годом новый слой — буржуазии, богатых владельцев предприятий. В совокупности в обществе доля «уважаемых, состоятельных и благородных» людей составляла около одного процента. А вот остальные девяносто девять процентов людей жили не лучше, чем в «мрачное» Средневековье. Не каждый день имели достаточно еды для всей семьи на столе; для многих на смену каторжной, но все-таки сезонной работе в поле (на себя и своего землевладельца) пришла еще более изнурительная работа, но теперь уже круглый год на мануфактурах по четырнадцать-шестнадцать часов в день: без выходных, отпусков, больничных, пенсий

и правил безопасности на производстве. Дожить хотя бы до своего сорокалетия для рабочего в те времена было серьезной удачей. Но знатные слои общества проблемы бедняков нисколько не занимали. И дело здесь было даже не в их личной «черствости» или высокомерии. Большинство дворян искренне не понимало, а как иначе вообще может «работать» человеческое общество, если не в условиях самой жесткой и беспрекословной сословной и имущественной иерархии граждан.

В этот раз я был судебным приставом, работавшим в Женевской республике. Мне было поручено вручить вчерашнее решение суда человеку, родившемуся в Женеве, ее гражданину, но проведшему почти всю жизнь во Франции и вернувшегося на родину лишь несколько лет назад. Ему было около пятидесяти. Большинство жителей города, несмотря на свой незлобный нрав, не любили его и считали весьма странным человеком, который мешал им жить так, как они желали.

Человека звали Жан-Жак Руссо, и он, несмотря на немалую известность, даже не был дворянином. Обычный простолыдин, да еще и со скользкой, многократно запятнанной репутацией. Широко прославили этого человека его сентиментальные, слезливые романы в стиле популярной в то время романтической беллетристики. Эти произведения (во многом автобиографичные) били все рекорды продаж художественных книг Европы той эпохи, их переиздавали большими тиражами по несколько раз в год. Ими зачитывались (зная в мелких деталях их сюжеты и личности героев) почти все грамотные женщины Франции и соседних стран: от герцогинь до прислуги и монашек. Серьезной литературой романы Руссо никогда не считались, критики от них воротили нос. Но что-то было в них — юношеская бравада автора, оставшаяся при нем до старости, искренность слога, душещипательность, а может быть, и что-то еще, — что глубоко трогало читателей.

Сама жизнь Руссо была необычной, бурной и напоминала затейливый авантюрный роман. Руссо родился в многодетной

семье интеллигентного, но бедного музыканта и часовщика. Уже в четырнадцать лет Руссо уходит из дома, чтобы начать самостоятельную жизнь, но нигде не задерживается надолго. Учитя разным ремеслам, но всякий раз быстро бросает дело. Увлекается по-настоящему только чтением книг, в остальном — просто плывет по течению. Но у Руссо с юности обнаруживается талант привлекать к себе людей, и именно это всю жизнь будет выручать его из всевозможных передряг. Он хорош собой, строен, энергичен, остроумен, пользуется неизменным успехом у женщин. Неоднократно подолгу Руссо беззастенчиво живет на средства своих любовниц — богатых замужних женщин, графинь и герцогинь значительно старше него. Сам он тем временем тоже женат, на своей бывшей служанке, скромной и некрасивой, родившей ему пятерых детей. Всех своих детей Руссо после рождения «во избежание хлопот» отдает в детские дома и никогда их больше не видит. В непростые времена он уезжает в монастыри: там, искренне, на коленях, в слезах, кается в своих грехах перед настоятелями (завоеывая их симпатию), чтобы несколько месяцев перебиться на церковном содержании. Большинство окружающих считают Руссо обаятельным, но поверхностным болтуном и повесой. Однако, оказавшись в Париже, безродный авантюрист знакомится там с лучшими французскими учеными и мыслителями эпохи, и те неожиданно охотно, с нескрываемым интересом к его личности, принимают его в свой узкий элитарный круг. Эссе и лирические романы Руссо расходятся в столице Франции на ура, а написанная им опера вызывает восторг короля. Правда, больше музыку Руссо не писал (посчитав, что его «великим» сочинением недостаточно восхитились критики и публика), а до наших дней и эта опера, к сожалению, не дошла.

Став знаменитостью, но также нажив своим характером и острым языком множество врагов, Руссо возвращается из Парижа в Женеву. Позже там же появляется его извечный враг и соперник — великий Вольтер. Эти двое, будучи, возможно, самыми яркими деятелями европейской культуры своей эпохи, — страстные, непримиримые антагонисты.

Вольтер, убежденный материалист, зло высмеивает все, что связано с церковью. Руссо, хоть сам и не образцовый христианин, остроумно и с успехом атакует атеизм соперника. Вольтер превозносит точные науки, видя в них в будущем, Руссо же страстно ратует за «возвращение к истокам» и «природную простоту человека». Вольтер (богатый дворянин) на свои средства открывает в Женеве театр. Руссо, используя все свои связи, добивается закрытия этого театра, утверждая, что «надо сначала накормить голодных, а уж потом тратиться на пустое, бессмысленное лицедейство». Оказываясь лицом к лицу в обществе, эти два светоча культуры своей эпохи порой едва не доходят до драки. После отъезда соперника из Женевы Руссо вновь погружается в литературу. Но в этот раз из-под его пера неожиданно выходит не очередной сентиментальный роман-бестселлер, а острейший философский и политический памфлет: «Об общественном договоре». Благодаря известности автора он быстро распространяется и доходит до короля Франции. Тот приходит в ужас от прочитанного и требует немедленно арестовать автора — «самого дерзкого смутьяна, какого только видел мир». Женева, самостоятельная республика, писателя не выдает. Но во избежание конфликта постановлением суда Жану-Жаку Руссо предписывается немедленно, в течение двух суток, навсегда покинуть Женеву.

Дом, в котором проживал писатель, находился в необычном месте: на небольшом островке между двумя берегами узкой реки Роны, которая брала начало в соседней Франции, протекала через весь город и в центре Женевы впадала в прекрасное Женевское озеро. Таким образом, дома, стоявшие на островках посреди реки, находились одновременно и почти в центре города, и вдали от городского шума и суеты: до них можно было добраться только на лодке.

Была середина дня; стояла жаркая, но приятная, не душная июльская погода. Мне открыла дверь супруга Руссо, встретившая меня холодно, с опаской. Узнав, что я представитель власти, проводила в гостиную, предложив освежиться домашним лимонадом со льдом. Хозяин дома ежедневно

совершал долгие прогулки и возвращался около четырех пополудни. Хозяйка (маленькая пожилая блеклая женщина с простым крестьянским лицом, но, как мне показалось, с довольно живым умом) показала мне разбитое стекло в спальне. Время от времени недовольные жители Женевы (кто-то был обижен из-за закрытия театра, другие прослышали о том, что Руссо — преступный вольнодумец и смутьян) ночью тайком, тихо подплыв на лодке, кидали камни в окна его дома. Хозяйка сказала, что они вызвали стекольных дел мастера на завтра, но я ответил, что в этом, к сожалению, уже нет особой нужды. Узнав о цели моего прихода, она громко всхлипнула, но быстро взяла себя в руки.

Руссо появился, когда солнце уже понемногу начало клониться к вечеру. Войдя, он поклонился мне, явно находясь в хорошем настроении и ни о чем не догадываясь. Одет он был весьма экстравагантно: в яркий зеленый камзол, снизу отороченный перьями (видимо, дорогой и модный), на голове — высокий, похожий на турецкий тюрбан. Зачем он был так одет в обычный день, да еще и в жаркую погоду, было непонятно, но расспрашивать об одежде в такой момент я его не стал. Первое впечатление, несмотря на нелепый стиль одежды, он производил приятное. В его пятьдесят внешне ему трудно было дать даже сорок лет. Безупречное телосложение; живые карие глаза; правильные черты лица в стиле голливудских актеров эпохи черно-белого кино; сильный голос, густые темные волосы без седины; энергичные, размашистые движения. Казалось, что это был хоть и потрепанный жизненными невзгодами, но все еще вполне молодой человек.

Вскоре от веселости Руссо не осталось и следа. Документ, который я вручил ему, он прочитал несколько раз, прежде чем осознал его смысл. Его реакция была неожиданно эмоциональной, если не сказать истерической. Он начал громко, во весь голос кричать, вопрошая о том, за что судьба его в который раз столь жестоко и несправедливо наказывает. Затем стал бешено ходить из угла в угол, сорвал с себя камзол, швырнув его на пол, и, наконец, бросившись на колени

перед женой, начал громко, как дитя, рыдать. Приговаривал, что это заговор его врагов, завистников и что его жизнь теперь не стоит и гроша. Жена гладила его рукой по голове, пытаясь утешить. Когда Руссо наконец пришел в себя, он сел напротив меня, но затем снова нервными шагами стал мерить комнату. Я попытался его немного успокоить.

— Простите, но мне кажется, решение женевского суда — не худшее, что могло произойти. Если бы вместо меня здесь появились жандармы, надели на вас кандалы и отвезли на пожизненное заточение в парижскую Бастилию, как того требовал король, все было бы куда страшнее.

— Но куда мне бежать? У меня есть еще один дом в Швейцарии, в немецкой части, тоже на острове, около Берна.

— Не думаю, что это хорошая идея. Бернские власти не станут вас защищать и спокойно выдадут вас Франции, притом очень скоро.

— Тогда я погиб! Я не знаю, где еще я смогу спокойно жить.

Неожиданно в разговор вступила Тереза, супруга Руссо:

— Ты же мне недавно говорил, что какой-то шотландский философ в письме приглашал нас погостить пару месяцев в Британии и попутешествовать по ней в его компании, за его счет.

— Да. Его зовут Дэвид Юм. Но понимаешь, в чем дело, дорогая. Мне совершенно не нравится его философия. Ты представляешь, как мне будет неуютно в его компании? Это будет просто ужас!

Спустя некоторое время мы все же убедили Руссо, что данный выход в его положении — лучший из возможных. Он громко высморкался в накрахмаленный платок, затем постарался кое-как привести себя в порядок. Его жена тем временем расспросила меня о мелочах, связанных с их предстоящим завтра вынужденным отъездом. Когда писатель уже совершенно пришел в себя (и даже слегка повеселел), я поинтересовался, что же было в его памфлете настолько ужасного, что даже не самый суровый в истории французский монарх так разгневался на него. Руссо лишь пожал плечами.

— Я разъяснил в этой работе всему миру то, каким должно быть правильно и справедливо устроенное общество. Показал человечеству прямой путь к естественному состоянию счастья. Разумеется, в таком справедливом обществе нет места тиранам и королям.

— Но ведь в мире не найти такой страны, где не было бы облеченного полнотой власти правителя?

— На самом деле это не так. Подобные страны были в прошлом: древние Афины в короткий промежуток демократии, ранний Рим, управляемый сенатом. Сейчас монархия крайне ограничена в Британии и Нидерландах — там почти вся власть в руках у парламента, который формально избирается народом. Но большая доля правды в вашем утверждении есть. Все перечисленные примеры только подтверждают печальное общее правило. Даже в тех странах, где на бумаге демократия, на деле безраздельно властвует олигархия. Узкая прослойка богачей выдвигает якобы независимых депутатов, одураченный народ голосует так, как ему внушают. А уже через день люди снова оказываются не у дел и в последующие годы не имеют ни малейшего влияния на власть.

— Что же предлагаете вы?

— Я начал свой памфлет фразой: «Человек рождается свободным, но повсюду он в тяжелых оковах». Это правда. Мир наполнен ужасающей несправедливостью, угнетением, вопиющим неравенством. Надо навсегда разрубить этот узел. Чтобы понять, что следует изменить, сделаем небольшой экскурс в прошлое. Определим первопричину болезни.

— Разве неравенство не сопутствовало всем человеческим обществам с глубокой древности?

— Вовсе нет. Чтобы убедиться в этом, достаточно сесть на корабль и добраться до далеких берегов новооткрытых континентов. Выбрать самые примитивные, абсолютно чуждые культуре и науке дикие племена, живущие до сих пор охотой и собирательством. Да, в них тоже есть некая иерархия. Но ее нельзя сравнить с тем, что происходит в развитых обществах. Большую часть времени дикарь предоставлен самому себе, он абсолютно счастлив наедине с природой. Хочет

есть — идет охотиться либо собирает плоды. Чувствует плотское влечение — и свободно, без предрассудков спаривается с любой самкой поблизости. Мне рассказывали случай, когда дикарь утром продал свой шалаш, а вечером одумался и выкупил его обратно. Утром он даже не думал о том, что вечер наступит. В каждом прожитом дне такого дикаря больше счастья, чем за целый год у современного человека.

— Теперь я понимаю, почему ваш недруг Вольтер рассказывает повсюду, что «Руссо предлагает людям снова ходить на четвереньках».

— Вольтер — это высокий ум и низкая душа. Он строит из себя главного вольнодумца и бунтовщика, но все, что он делает, в итоге всегда оказывается на руку власти. Разумеется, я никогда не предлагал подобного. Однако я продолжу. Неравенство возникло тогда, когда люди стали заниматься обработкой земли. И для этого, по праву силы, разумеется, одним людям доставались огромные наделы, другие довольствовались крохотными или вовсе их не имели, работая на хозяина. Обширные леса превратились в нивы, которые надо орошать человеческим потом и из которых выросли рабство и нищета. Среди крупных землевладельцев путем грубого, кровавого насилия выделились самые влиятельные, и они стали королями, вождами. Ими и их подручными беднякам насильно был навязан негласный и несправедливый «общественный договор». Бедные люди только лишь за одно право жить (не умереть от голода и не быть убитыми) безропотно отчуждали все свои права и остатки жалкого имущества в пользу всемогущих властителей. Удивительно, но прошли тысячелетия, наука изобрела множество необыкновенных вещей. И сегодня общественный уклад в мире по сути остался таким же, каким он был в незапамятной древности, в начале эпохи обработки земли. Горстка людей в каждой стране купается в роскоши, а сотни тысяч или миллионы других горбчатся ради них на заводах и рудниках от зари до зари за жалкие крохи. Голодают, болеют, рано умирают. Мне больно даже просто со стороны наблюдать за этим.

— Но возможно ли это изменить?

— Разумеется! Не просто возможно, а остро необходимо. Причем не когда-то в отдаленном будущем, а уже сейчас, при нашей жизни.

— Какие реформы вы предлагаете?

— Начинать любое дело следует с определений. Закон законов должен звучать так: «Суверенитет человека не может быть никем отчужден». А суверенитет народа не может быть отнят у народа. Закабалить человека, лишить его прав (если только он не злостный преступник) не вправе никто: ни общество, ни тем более король, который на самом деле — такой же обычный человек, как и все. Далее я формулирую три основных, базовых принципа. Вот они.

Все люди свободны. Все люди равны. Все люди — братья.

Последнее означает не физиологическое родство, конечно, а то, что никто из нас не враг, не соперник любому другому гражданину государства. Всегда и во всем сограждане — это партнеры, единомышленники в деле созидания различных общественных благ, которые идут на пользу всем и каждому в отдельности.

Свобода, равенство и братство (*Liberté, Égalité, Fraternité*). Национальный девиз Франции иногда приписывается кровавому вождю французской революции Робеспьеру, но первым этот лозунг в своей работе сформулировал Жан-Жак Руссо. Слушая речи увлеченного, явно желающего людям добра, хотя и немного наивного философа, я понимал, что он и понятия не имеет, к каким страшным жертвам и катаклизмам в будущем приведут попытки создания «рая на земле». Он не мог этого знать, и я не хотел его разуверять в, казалось бы, столь светлых и искренних идеях.

— Господин Руссо. Я все-таки не понимаю, как протянуть мостик от ваших идей к действительности.

— Я не сторонник жестоких революций, переворотов. Мне кажется, все, о чем я говорю, настолько естественно, что должно неминуемо случиться само собой. Народ должен встать в полный рост и объявить себя хозяином той земли, на которой он живет. Даже с религиозной точки зрения: как Господь может судить деяния человека в его земной жизни,

если он прожил жизнь не свободно? Посмотрим и на животный мир: всем известно, что свободные животные в дикой природе намного сильнее, умнее, выносливее, чем те, что живут в рабстве, одомашненные человеком.

— Хорошо, допустим даже, что революция произошла, причем мирно. Что будет дальше?

— Дальше народ должен принять новые законы. Провести национальный референдум по всем мало-мальски важным, значимым вопросам. По мелким уложениям достаточно простого большинства голосов. Главные законы надо обсуждать и согласовывать до тех пор, пока они не будут приняты народом почти единогласно. Разумеется, всегда кто-то будет против. Но если таких противников большинства останется лишь небольшая горстка, я не думаю, что это станет проблемой.

— Хорошо, допустим. Но должен быть властный аппарат, который следит за исполнением законов.

— Да, он будет. Надо, чтобы исполнительная власть была полностью отделена от законодательной и судебной. Но этот орган не будет властью в сегодняшнем понимании. Его представителей будет выбирать народ на очень недолгий срок: думаю, достаточно от месяца до полугода. Затем будут избирать новых, и так без конца. Я понимаю, что здесь есть проблема. Так как за исполнение функций власти (пусть даже недолгое) людям не будут ничего доплачивать, никто не захочет в нее идти. Зачем взваливать на себя лишнюю ношу, когда у тебя полно дел по твоей основной работе? Но, надеюсь, сознательность людей возьмет верх. Если такому государству будет грозить внешний враг, тогда народ выберет военачальника. Но только строго до конца войны и ни днем больше.

— Но ведь у людей в любых странах всегда есть разные мнения, свои точки зрения. Что делать с теми, кому не будет нравиться подобное «государство всеобщего счастья»?

— Таких несогласных и вредных граждан следует немедленно, силой депортировать из страны. Пусть живут при другом общественном строе, если он им нравится больше.

— А если они не согласятся? Скажут, что эта земля — их родина, здесь могилы их предков и так далее.

— Тогда таких людей следует вешать. Лучше публично, на площадях. Если они против свободы и равенства, значит, они — враги идеального общества, то есть самые злостные преступники на свете. Впрочем, я уверен, что в прекрасном справедливом государстве таких людей будут лишь единицы.

— Спасибо, господин Руссо. Кажется, я теперь достаточно хорошо представляю ваше государство.

За окном начало смеркаться. Я понимал, что с моей стороны невежливо заставлять хозяев напрасно тратить их драгоценное время, необходимое на сборы. Но не мог не затронуть еще одну важную тему.

— Простите, вы можете уделить мне еще немного времени?

— Времени? Я никогда не думаю о нем. Этой мой принцип. Свои единственные часы я продал еще в юности. Стараясь жить спокойно и просто, как счастливые дикари.

— Как вы относитесь к религии? С одной стороны, вы не посещаете службы в церкви, легко меняете христианские конфессии, в своих романах критикуете священников. С другой — подолгу жили в монастырях, ругаете атеизм Вольтера, в своих эссе нередко упоминаете Бога. Во что вы верите?

— Религия — это опиум для души. В малых дозах она полезна: успокаивает и лечит. Но в слишком больших — затуманивает разум и рассудок, делает человека агрессивным фанатиком. Религия (как и все в жизни) хороша в меру. Но вера в душе должна быть. Ведь Бог, разумеется, существует.

— Что для вас есть Бог?

— Я никогда не любил нудных средневековых схоластов вроде Фомы Аквинского. По-моему, нет ничего глупее, чем пытаться доказать бытие Бога научно, логически. Бог — это Великая сила, управляющая природой. Мы сами, ничтожные частички этой природы, что можем знать о Нем?

— На чем же тогда, по-вашему, должна основываться вера?

— На Ощущении Бога. И только на нем. Религия по своей сути не может быть научной, объективной. Понимаете, вы иногда просто чувствуете, что рядом с вами присутствует Нечто Высшее. Такое ощущение возникает (чаще или реже) у каждого человека. Лично меня оно осеняет каждый день.